

Л. М. Савелов

Лекции по русской генеалогии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С12

C12 **Савёлов Л.М.**
Лекции по русской генеалогии / Л. М. Савелов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 302 с.

ISBN 978-5-458-27600-9

Лекции одного из крупнейших специалистов по русской генеалогии особенно полезны своим методическим характером, отсылающим к конкретным задачам и случаям, решаемым на материале справочников. За прошедшие годы изменились названия и структура архивохранилищ, упоминаемых Савеловым, существенный прогресс произошел в применении методов, у исследователей появились эффективные помощники - компьютеры. Однако база, с которой следует начинать - это опыт отечественной научной деятельности, удачный пример обобщения которого мы видим в лекциях Леонида Михайловича Савелова. Особенно полезным это пособие будет тем, кто находится в самом начале своих родословных исследований, но многое нужного найдут здесь и генеалоги со стажем.

ISBN 978-5-458-27600-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЛЕКЦИИ
ПО
РУССКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ,

ЧИТАННЫЕ В МОСКОВСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ ИНСТИТУТА Л.М. САВЁЛОВЫМ

РЕПРИНТНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ИЗДАНИЯ 1909 ГОДА

Первое и второе полугодие в одной книге

Москва
АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
1994

Печатается по определению Совета Московского Археологического Института
2 октября 1908 г.

Директоръ Института *А. Успенский*.

I.

Покойный нашъ историкъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ какъ то выразился, что „гдѣ существуютъ исторіи родовъ, городовъ и учрежденій—тамъ возможны общія исторіи“.

Если мы вникнемъ въ эти слова покойшаго историка, то несомнѣнно должны прійти къ тому же выводу. Дѣйствительно—что такое исторія? Намъ говорять, что исторія есть народное самосознаніе. Принимая это какъ истину, т. к. по моему мнѣнію съ этимъ спорить нельзя, мы поймемъ, что во внѣшней жизни народа отражается его внутренняя жизнь — „Миръ нравственный сходенъ съ міромъ виѣшнимъ: его красота и единство выражаются въ разнообразіи частныхъ явлений; только вся совокупность этихъ явлений можетъ открыть таящуюся въ нихъ мысль“. Исторія—это зеркало, въ которомъ отразилась вся прошлая жизнь народа и не только внѣшняя сторона этого прошлаго, но и вся внутренняя—бытовая жизнь народа, и не одна казовая, материальная, сторона, но и сторона духовная. Припомнимъ здѣсь слова того же К. Н. Бестужева-Рюмина: „Мы того мнѣнія, что бытовая исторія вовсе не противорѣчитъ политической, а, напротивъ, должна быть въ тѣсной, неразрывной связи съ нею; только разумѣется, при ближайшемъ знакомствѣ съ бытомъ, измѣнится сама собою относительная важность того или другого событія, а главное перестановится точка зреянія“, а Маколей говорить еще опредѣленіе, что „для точнаго опредѣленія характера политическихъ событій необходимо короткое знакомство съ домашней исторіей народа“.

. А что такое исторія быта, спросимъ мы, какъ не исторія внутренней жизни народа, какъ не исторія его жизни семейной, т.-е. другими словами, входя дальше въ разсмотрѣніе сущности исторіи, разлагая ее какъ бы на ея составные части—мы невольно прійдемъ къ тому же выводу, къ какому пришелъ и Бестужевъ-Рюминъ—т.-е., что исторія слагается изъ исторіи отдѣльныхъ явлений, отдѣльныхъ фактовъ, относящихся къ разнымъ сторонамъ жизни того или другого народа—изученіе этихъ сторонъ жизни въ ихъ взаимодѣйствіи даетъ общее представление о жизни народа, даетъ намъ его физіономію. Но, изучая отдѣльныя явле-

нія, отдѣльные факты, мы должны невольно прійти въ соприкосновеніе съ болѣе мелкими единицами, чѣмъ народъ, съ тѣми его частями, которые непосредственно дѣлаютъ исторію, т.-е. съ отдѣльными личностями, отдѣльными семьями, родами, отдѣльными собраніями людей, т.-е. общинаами и городами и отдѣльными учрежденіями, созданными же отдѣльными людьми для улучшения общественного быта своего народа, но въ основѣ всего этого несомнѣнно лежитъ отдѣльная личность, которая, такъ или иначе, но несомнѣнно вліяла на ходъ исторіи своего народа, особенно же тогда, когда отдѣльная личность не была еще подавлена высшимъ авторитетомъ государства и могла свободно проявлять свои наклонности, свою энергию, свою іниціативу.

Личность—это есть та ячейка—изъ которой вышла семья, превратившаяся сначала въ родъ, затѣмъ постепенно образовавшая родовой союзъ—племя и наконецъ государство, какъ высшую форму общежитія, которое въ концѣ концовъ поглотило и растворило въ себѣ какъ отдѣльные семьи и роды, такъ и отдѣльные личности, подчинивъ ихъ совершенно своему авторитету и своей власти. Отдѣльная личность—это тотъ атомъ, изъ котораго возникло и постепенно сложилось современное государство.

Историки и философы согласны въ томъ, что главные двигатели исторіи—это человѣческіе поступки. Для того, чтобы болѣе охарактеризовать значеніе личности, я приведу здѣсь мнѣнія нѣкоторыхъ изъ историковъ и философовъ. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, пр. В. С. Иконниковъ: „Въ безднѣ случаевъ предусматриваемое развитіе вдругъ подвергалось перерыву; хитрый расчетъ дальновидныхъ умовъ часто заставлялъ даже и глубоко возбужденное настроеніе позабывать первоначальную цѣль его стремленій и надолго подчинялъ его цѣлямъ искусственнымъ, случайнымъ. Способы представленія, пущенные въ ходъ большими талантами среди благопріятныхъ обстоятельствъ, сопротивлялись прогрессу съ неимовѣрной стойкостью цѣлые иногда вѣка. Сѣмена образованія не всходили какъ подрастающій молодой лѣсь, съ органическою необходимостью и правильностью, на большихъ пространствахъ однимъ разомъ, но шаткое, неспособное, лишенное творчества влеченіе массы получало первыя явственныя цѣли и первыя поощрительныя удовлетворенія, благодаря счастливымъ приемамъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ. Это вліяніе личностей, безъ сомнѣнія, однакожъ не равно, смотря по разнымъ областямъ человѣческой дѣятельности, по особому характеру историческихъ эпохъ и по многоразличію условій, существующихъ для взаимодѣйствія между индивидуальной силой и массою человѣчества.

Зависимость от природы всегда больше вызывает людское остроумие на изобретательность, и помыслы, оказывающие здесь самая необходимые услуги, возникают из таких простых комбинаций обыкновенных опыта, что первичное домохозяйство, находимое нами у разнообразивших пародовъ,—оружие, утварь, плетеная издѣлія и убранство,—легко объяснимо изъ всеобщаго инстинкта, безъ особаго изображенія отдельными лицами. Но всѣ утонченѣйшія и высшія подспорья, которых вели къ болѣе многоплодному владѣнію природою, связаны съ именемъ отдельныхъ изобрѣтателей; въ промежутокъ отъ первыхъ своихъ зачатъ до эпохи общаго распространенія образованности,—эпохи, къ которой мы, можетъ быть, приближаемся, жизнь и въ этомъ отношеніи также имѣла свой герническій вѣкъ. Точно также, говорить дальше Иконниковъ, и культурный процессъ заключается въ измѣненіи состояній, происходящемъ благодаря дѣятвіямъ людей. Это не есть безличная эволюція: какъ только события, вызывающія перемѣны, суть дѣятвія, поступки, то настоящими агентами исторіи являются поступающіе и дѣйствующіе. Взаимодѣйствіе событий и состояній приводить такимъ образомъ къ взаимодѣйствію личностей и культурныхъ формъ. Какъ известно, въ началѣ своей политической исторіи древность вездѣ выставляетъ имя какого-нибудь законодателя, и если часто неясныя мечты о темномъ происхожденіи народовъ появляются въ исторіи безъ личныхъ основателей, то религіи не выступаютъ безъ нихъ никогда" въ другомъ мѣстѣ тотъ же пр. Иконниковъ говоритъ (I, I, 207*): "Историкъ долженъ стараться понять отдельного человѣка въ его обусловленности временемъ и мѣстомъ"...

Тардъ и Карлейль выражаются гораздо энергичнѣе и определеннѣе, чѣмъ дѣлаетъ это пр. Иконниковъ. Первый изъ нихъ говоритъ: „Всѣ специальные модификаціи, крупныя или мелкія, въ сущности происходятъ изъ индивидуальныхъ иниціативъ, изъ болѣе или менѣе разрозненныхъ личныхъ плановъ“, а второй: „По моему мнѣнію всеобщая исторія, исторія того, что совершилъ человѣкъ въ этомъ мірѣ, въ сущности есть исторія великихъ людей, дѣйствовавшихъ въ немъ“; не менѣе энергиченъ въ своихъ выводахъ и Владіміръ Соловьевъ: „При переходѣ отъ низшихъ слоевъ собирательной жизни, говорить онъ, къ высшимъ, личность, въ силу присущей ей безконечной потенціи пониманія и стремленія къ лучшему, является въ избранныхъ своихъ представителяхъ началомъ движенія и прогресса. Когда единичныя лица, болѣе другихъ одаренные или болѣе развитыя, начинаютъ испытывать дѣятвіе своей общественной среды не какъ осуществленіе и восполненіе ихъ жизни, а лишь какъ вѣнчашее ограниченіе

и препятствіе для ихъ положительныхъ нравственныхъ стремленийъ, тогда они становятся носителями высшаго общественнаго сознанія, которое стремится затѣмъ къ воплощенію въ новыхъ соотвѣтствующихъ ему формахъ и порядкахъ жизни (Оправданіе добра, 264). Окончательная единица человѣческаго общества есть личность и она всегда была дѣятельнымъ началомъ историческаго прогресса, т.-е. перехода отъ узкоограниченныхъ и скучныхъ формъ жизни къ болѣе обширнымъ и содержательнымъ общественнымъ образованіямъ“ (273).

Таково значеніе отдѣльной личности въ исторіи, какъ его понимаютъ историки. Но можемъ ли мы сказать, что отдѣльная личность не является продуктомъ той среды, въ которой онъ вращаются и которая ихъ создала, что личность не является только носительницей тѣхъ идей, которыя гнѣздятся въ семье, ее воспитавшей, что она не является только болѣе талантливою, болѣе яркою представительницей своей семьи, которая, въ свою очередь, является выразительницей, можетъ быть, иногда еще и не точно опредѣленныхъ стремлений и не ясныхъ идеаловъ своего народа. Думается, что отрицать этого мы не можемъ, а должны признать за истину,—а разъ это такъ, разъ семья есть выразительница стремлений и идеаловъ того народа, къ которому принадлежить, а личность является болѣе типичнымъ представителемъ семьи—то изслѣдованіе дѣятельности отдѣльныхъ семействъ и отдѣльныхъ личностей, на нашъ взглядъ, обязательно и необходимо для постановки правильной исторической критики, а также и потому, что подобное изслѣдованіе поможетъ историку и бытописателю связать отдѣльные факты и события въ одно неразрывное цѣлое; изъ отдѣльныхъ въ началѣ звеньевъ получится постепенно цѣлая цѣль, исторически и послѣдовательно вытекающіхъ одно изъ другого, событий. Кромѣ того знаніе подробностей внутренней жизни народа можетъ помочь историку сдѣлать выводы общаго значенія. Вотъ въ собираніи подобныхъ отдѣльныхъ звеньевъ и состоить задача вспомогательныхъ историческихъ наукъ и въ томъ числѣ генеалогіи,—здесь для генеалога открывается обширное поле дѣятельности, еще почти не тронутое изслѣдователемъ. Поле вспахано, засѣяно, посѣвъ взошелъ и ожидаетъ жнецовъ, которое бы съ любовью сняли богатый урожай и всыпали бы его въ общечеловѣческую житницу знаній, сдѣлавъ его такимъ образомъ общимъ достояніемъ.—Развѣ это не великая и не благодарная задача? Развѣ не радостно уже одно сознаніе, что и мы приложили свой трудъ для собиранія материаловъ для будущихъ историковъ, что въ ихъ будущихъ трудахъ по описанію нашей

родины найдутся и наши крупицы, которые мы съ любовью собирали на богатой исторической нивѣ народной жизни. Между прочимъ существует мнѣніе, что задача современаго русскаго историка заключается только въ собираніи фактovъ. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, пр. С. Ф. Платоновъ въ своихъ лекціяхъ по русской исторіи: „Съ тѣхъ поръ, какъ къ изученію фактovъ всемірной исторіи стали подходить съ тѣмъ сознаніемъ, что жизнь человѣческая развивается закономѣрно, подчинена вѣчнымъ и неизмѣннымъ отношеніямъ и правиламъ,—съ тѣхъ поръ идеаломъ историка стало раскрытие этихъ постоянныхъ законовъ и отношеній. За простымъ анализомъ историческихъ явлений, имѣвшимъ цѣлью указать ихъ причинную послѣдовательность: открылось болѣе широкое поле—историческій синтезъ, имѣющій цѣлью возсоздать общій ходъ всемірной исторіи въ ея цѣломъ, указать въ ея теченіи такие законы послѣдовательности развитія, которые были бы оправданы не только прошлымъ, но и будущимъ человѣчества. Этимъ широкимъ идеаломъ не можетъ непосредственно руководиться русскій историкъ. Онъ изучаетъ только одинъ фактъ міровой исторической жизни—жизнь своей національности. Состояніе русской исторіографіи до сихъ поръ таково, что иногда налагаеть на русскаго историка обязанность просто собирать факты и давать имъ первоначальную научную обработку. И только тамъ, гдѣ факты уже собраны и освѣщены, мы можемъ возвыситься до нѣкоторыхъ историческихъ обобщеній, можемъ подмѣтить общій ходъ того или другого исторического процесса, можемъ даже на основаніи ряда частныхъ обобщеній сдѣлать смѣлую попытку: дать схематическое изображеніе той послѣдовательности, въ какой развивались основные факты нашей исторической жизни. Но далѣе такой общей схемы русскій историкъ итти не можетъ, не выходя изъ границъ своей науки“.

Если таково назначеніе исторіи, если для русскаго историка приходится еще думать о томъ, что слѣдуетъ собирать факты, то уже въ одномъ этомъ можно найти оправданіе существованія генеалогіи, которая именно и занята собираніемъ отдѣльныхъ фактovъ изъ жизни отдѣльныхъ семействъ. Относительно же цѣнности тѣхъ или другихъ свѣдѣній—мы имѣемъ слѣдующія слова Грановскаго: „Листокъ современной газеты такъ же дорогъ для историка, какъ хартія лѣтописи“, но этотъ листокъ надо найти, а затѣмъ и сберечь.—И такъ мы пришли къ выводу, что отдѣльная личность составляетъ атомъ будущаго государства, а отдѣльная семья, отдѣльный родъ представляютъ изъ себя прототипъ государства, и задача генеалога изучить исторію тѣхъ семействъ, ко-

торыя, черезъ своихъ представителей, такъ или иначе участвовали въ созданіи своего государства, тѣмъ или инымъ путемъ участвовали въ дальнѣйшемъ его развитіи, какъ политическомъ, такъ и духовномъ. Общій историкъ, работая надъ политической исторіей той или другой страны, не имѣеть, конечно, возможности обращать свое вниманіе на мелкія детали, онъ рисуетъ общую картину жизни страны, онъ дѣлаетъ общіе выводы, а мелочные факты изъ жизни того или другого лица, той или другой семьи, не могутъ останавливать на себѣ его вниманія, это даже физически для него невозможно, они служатъ историку только лишь для составленія общаго фона картины; весьма вѣроятно, что возможны случаи, когда историкъ пройдетъ даже мимо какого-нибудь событія, до того оно ему покажется мелкимъ и не стоящимъ вниманія по сравненію съ событіями, имѣющими болѣе крупное и непосредственное значеніе въ народной жизни, но это не можетъ имѣть мѣсто въ дѣятельности генеалога или бытописателя, описывающихъ не крупныя событія, а напротивъ мелкіе, будничные факты, но нерѣдко имѣвшіе, въ сцепленіи съ другими, послѣдствіемъ и болѣе крупныя событія, что такъ хорошо выразилъ русскій народъ въ своей поговоркѣ: „Отъ копеечной свѣчки Москва сгорѣла“. Припомнимъ также случай съ поясомъ, который великая княгиня Софія Витовтовна сняла съ князя Василія Юрьевича Косого, казалось фактъ самъ по себѣ и незначительный, но онъ сыгралъ немаловажную роль въ дальнѣйшихъ событіяхъ. Вотъ почему генеалогъ обязанъ уловить всякую мелкую подробность и сдѣлать ее достояніемъ общаго историка, который уже и сдѣлаетъ на основаніи ея тотъ или другой выводъ.

Если мы хотимъ специально изучить исторію прошлой жизни нашей страны, то мы должны обратить наше вниманіе не только на то, какъ она слагалась политически, росла и крѣпла материально, но мы должны знать и о томъ, какъ она росла и крѣпла духовно, потому что не единимъ хлѣбомъ живъ человѣкъ, и въ жизни каждого народа, какъ и отдельного лица или семьи, существуетъ не одна материальная сторона, но существуетъ также и духовная. Въ каждомъ живомъ тѣлѣ есть душа, у которой есть свои стремленія, есть свои идеалы, которыя она стремится удовлетворить тѣмъ или другимъ способомъ, почему мы и не должны пропустить ни одной мелкой черты изъ духовной жизни народа; мы должны войти въ разсмотрѣніе его семейнаго и общественнаго быта и отмѣтить всякую мельчайшую подробность изъ его жизни, изъ его домашнаго обихода, помня, что пѣть такой мелочи, которая бы не могла повлечь за собою и болѣе крупные факты и

события; наконецъ мы не можемъ знать, не поможетъ ли эта мелочь историку вывести то или другое заключеніе, сдѣлать тотъ или другой выводъ общаго характера. „Чѣмъ болѣе разрабатываются отдѣльныя части, подробности, самыя мелочи, тѣмъ болѣе выясняется общее, угадывается цѣлое“ (Иконниковъ. Исторіогр. I, 29).

Какъ едва замѣтная черта, проведенная умѣлымъ рѣзцомъ скульптора, даетъ жизнь его скульптурному произведенію, такъ и мелкая черта, умѣло выхваченная изъ дѣйствительной духовной жизни народа, въ опытныхъ рукахъ историка одухотворяетъ его работу, превращая ее изъ безжизненнаго механическаго перечисленія отдѣльныхъ событий въ художественное произведеніе, жизненно описывающее прошлое народа. Почему и повторяю, что обязанность генеалога собирать всѣ мелкие факты, отмѣтить всѣ мелкія черты народной жизни, часто, быть можетъ, упущенныя общими историками, благодаря обширности ихъ задачи. Въ этихъ случаѣахъ на помощь общей исторіи должны выступить цѣлый рядъ вспомогательныхъ историческихъ наукъ и знаній, въ числѣ которыхъ мы находимъ и генеалогію. Чтобы исполнить задачу, возлагаемую на вспомогательныя науки, мы должны тщательно изучить внутренній бытъ народа, его нравы, изучить, наконецъ, ту среду, которая выдвинула тѣхъ или иныхъ дѣятелей страны или народа, изучить и семью, какъ источникъ тѣхъ, которые тѣмъ или инымъ путемъ, сознательно, а можетъ быть иногда даже и безсознательно, несомнѣнно вліяли на общий ходъ развитія своей страны и своего народа. Дѣятельность отдѣльной личности вѣвъ всякоаго сомнѣнія происходила подъ вліяніемъ той самой семьи, которая дала ей жизнь, которая ее воспитала и которая при ея же посредствѣ вносила свои идеи въ народное сознаніе и тѣмъ самымъ невольно принимала участіе въ духовной жизни и въ духовномъ развитіи своего народа.

Общее духовное развитіе народа несомнѣнно находится въ неразрывной и непосредственной связи съ творческими талантами его болѣе энергичныхъ, болѣе талантливыхъ представителей, обычно ведущихъ, за собой свой народъ по пути развитія и прогресса, по пути величія и славы. „Судьба, говорить нѣмецкій историкъ Трейчке, осуществляется въ жизни народовъ посредствомъ сознательной человѣческой воли, которая умѣеть воспользоваться благопріятными обстоятельствами“. Вотъ здѣсь и найдется работа именно генеалогу, онъ долженъ выяснить значеніе отдѣльныхъ семействъ и отдѣльныхъ личностей въ общемъ ходѣ историческихъ и культурныхъ событий въ жизни данного народа или данной страны. И когда будетъ сдѣлана эта работа, когда будутъ сдѣланы

работы по описанію городовъ и учрежденій, когда народная жизнь будетъ освѣщена со всѣхъ сторонъ ея политической и бытовой жизни, тогда, скажемъ мы словами К. Н. Бестужева-Рюмина, будуть возможны общія исторіи.

Вотъ въ краткихъ чертахъ тѣ основанія, которыя объясняютъ намъ причину появленія генеалогіи въ числѣ предметовъ, необходимыхъ для лицъ, желающихъ въ подробности изучить прошлое своей страны и своего народа. До сихъ поръ генеалогія не получала у насъ права гражданства, и никто изъ ученыхъ не дѣлалъ даже попытки опредѣлить, что такое генеалогія, она совершенно игнорировалась историками; впервые такое опредѣленіе, кажется, даетъ намъ пр. Д. А. Корсаковъ (Л. М. Савеловъ и его труды по русской генеалогіи. М. 1900) въ одной своей брошюрѣ, вышедшей въ 1900 году. Вотъ что онъ говоритъ о генеалогіи: „Въ наши дни она занимаетъ весьма скромное, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно опредѣленное положеніе среди вспомогательныхъ, или, говоря точнѣе, предварительныхъ, историческихъ знаній; эти знанія состоять изъ нѣсколькихъ группъ справочныхъ свѣдѣній, подготавлиющихъ историку разнородный материалъ для дальнѣшаго критического и научнаго изученія. Къ нимъ относятся: хронологія, археологія съ нумизматикой, археографія, или такъ называемая дипломатика, съ сфрагистикой, историческая географія и генеалогія, или изученіе родословныхъ. Русская исторія, какъ исторія всякаго другого народа, имѣеть въ числѣ своихъ вспомогательныхъ, справочныхъ знаній и русскую генеалогію“, таково мнѣніе пр. Корсакова, оно, какъ мы видимъ, не противорѣчить тому, что только что говорилъ и я. Вотъ мои слова: „Генеалогъ обязанъ уловить всякую мелкую подробность и сдѣлать ее достояніемъ общаго историка, который уже и сдѣлается на основаніи ея тотъ или другой выводъ“, т.-е. мы—чернорабочіе и будемъ таковыми, т. к. мы только готовимъ материалъ для будущихъ историковъ. Двери храма науки были очень долго запертыми передъ нами; когда мы стучались—намъ ихъ не открывали, наконецъ нась позвали въ ту минуту, когда мы робко жались у входа, не смѣя войти вмѣстѣ съ остальными, но теперь мы здѣсь и постараемся доказать, что мы также желаемъ и умѣемъ работать, также хотимъ принести и свою крупицу на алтарь науки. Въ слѣдующей своей лекціи я перейду къ подробному опредѣленію, что такое генеалогія, а затѣмъ къ обозрѣнію того материала, надъ которымъ придется намъ работать. Материалъ этотъ, несмотря на всѣ невзгоды, несмотря на небрежность, не смотря даже на, подчасъ умышленное, преступное къ себѣ отношеніе, неисчерпаемъ. Поле обширно, нужны только работники, работы хватитъ и на